

Янь Цун поделился чипсами с Цзянь Сэнем, но в итоге тот снисходительно выделил ему всего пару ломтиков. Стоило И Сыцзя отвернуться, как старший брат сгреб всю пачку и упорхнул в свою комнату. Янь Цуна это нисколько не задело — покупные чипсы он никогда не жаловал. В прошлой жизни Янь Сян обожал эту вредную хрустящую ерунду, так что Янь Цун ради него научился готовить их самостоятельно. Домашние выходили стократ вкуснее и ароматнее магазинных.

Воспоминание о собственных хрустящих шедеврах раздражило аппетит. Вернувшись в пространство, мальчик решил повременить с обучением плетению циновок. Вместо этого он взвалил на плечо деревянную мотыгу и отправился на поиски дикого картофеля.

Хотя доступные границы и определялись текущим уровнем системы, даже начальных владений хватало с избытком. За прошедшие дни Янь Цун едва исследовал крохотный лоскуток карты. На деле же это пространство ширилось без конца и края, подобно настоящей вселенной.

Система любезно предупредила, что с его скудными силами разумнее держаться зон, отмеченных белым — территорий абсолютной безопасности. В крайнем случае можно сунуться в зеленый сектор. За его пределами велик был риск наткнуться на опасных тварей. К тому же растения, произрастающие в оранжевых и красных зонах, нередко таили в себе смертоносный яд, распознавать который он еще не научился. Впрочем, сейчас эти опасные рубежи все равно оставались для него заблокированы.

Ресурсы в пространстве добывались тремя путями. Первый — самый бесхитростный: выкупить у системы за очки опыта. Просто, но чертовски расточительно, к тому же ассортимент пока ограничивался лишь базовыми, простейшими вещами. Чтобы улучшить качество предметов до обновления системы, приходилось трудиться в поте лица. К примеру, характеристики пшеницы можно было подтянуть с помощью селекции — повысить урожайность, устойчивость к холоду и засухе. Дело небыстрое, зато за каждый успешный этап селекции система щедро отсыпала опыт. Улучшенные плоды не только лучше насыщали, но и, по заверению системы, приобретали изысканный вкус и особые полезные свойства. Впрочем, до этого Янь Цун еще не дошел.

Второй способ заключался в собирательстве. За дикие находки тоже капал опыт, но качество находок оставалось лотереей. Взять те же семена: начальные семена от системы были далеко не худшим вариантом. Самыми примитивными считались «дикие предки». Их приходилось долго окультурировать, чтобы повысить урожайность и размер плодов. Из диких семян порой вырастало нечто крошечное, горькое и совершенно непригодное в пищу. Иногда в диких землях везло наткнуться на элитные ресурсы вроде ценной древесины или редких самоцветов, но на текущем уровне Янь Цуну о таком оставалось только мечтать.

Третий путь — переносить вещи из внешнего мира. Система позволяла обменивать их на аналогичные по качеству здешние товары, но грабительский курс обмена отбивал всякое желание. Для дешевых вещей он достигал тысячи к одному. То есть целая тонна обычного зерна превращалась всего в полкилограмма системных семян без малейшего улучшения свойств. Этот вариант Янь Цун отбросил сразу же.

Чтобы отыскать картофель, нужно было сначала распознать его ботву. Янь Цун помнил, как она выглядит, да и система не бросала его вслепую: она подсветила примерную область на карте и вывела перед глазами трехмерную проекцию куста с указанием качества. А вот проверять находку на токсичность придется позже — когда он накопит на специальный анализатор, доступный после обновления.

К счастью, картофельная поляна нашлась неподалеку от его соломенной хижины. Кусты разрослись на славу, так что вскоре перед Янь Цуном высилась внушительная горка клубней. Тут-то он и призадумался: нести добро было не в чем — ни корзины, ни мешка. Система тотчас предложила открыть курс плетения из лозы, суля прибавку к ремесленным очкам. Но мальчик отказался. Он еще толком не освоил плетение из травы, а хвататься за всё сразу — только время терять. Выход нашелся быстро. В пространстве он был один-одинешенек, а зной стоял точно такой же, как снаружи. Янь Цун без лишних раздумий стянул с себя футболку и связал рукава, соорудив подобие мешка, куда и ссыпал три десятка некрупных картофелин. О том, что одежда испачкается в земле, он не беспокоился: прямо перед хижинкой журчала чистая речушка, а за домом росло мыльное дерево. Постирать — пара минут.

Узелок потянул фунтов на десять. Для хлипкого детского тела ноша оказалась тяжелой, но благодаря тому, что поляна была близко, Янь Цун все же дотащил добычу до дома, прежде чем окончательно выбился из сил. Опустив узел на землю, он осознал нелепость своего положения: у него не было ни котелка, ни тарелки, ни даже захудалого очага.

Глядеть на гору свежего картофеля и исходить слюной было невыносимо. Выбраться на реальную кухню посреди ночи он не мог — за стеной спали сводные родственники, которые мигом бы его засекли. Внезапно Янь Цуна осенило: почему бы не сложить простейший глиняный очаг прямо здесь? Сухого хвороста и травы, собранных ранее, хватало с избытком, а в стартовом наборе системы как раз завалилось огниво. Добывать искру вручную — задача не из легких, но он уже успел немного набить руку.

Выкопав в пологом склоне небольшого холмика L-образную ямку, Янь Цун соорудил из камней и влажной земли подобие купольной печи, перекрыв верхнее отверстие. Нижний проем служил топкой. Когда земляные стенки хорошенько раскалились от огня, мальчик уложил внутрь клубни и наглухо запечатал оба отверстия дерном. Оставалось только ждать, пока жар сделает свое дело.

Неожиданно в углу обзора вспыхнуло уведомление. Простейшая кулинарная импровизация принесла ему сразу пятьдесят очков опыта!

— Ого, и за это тоже дают опыт? — изумился Янь Цун.

[Любое созидательное действие, способствующее вашему развитию, оценивается системой как полезный опыт.]

[Пожалуйста, продолжайте в том же духе!]

Довольный собой, Янь Цун растянулся на циновке в ожидании ужина. Усталость взяла свое, и он мгновенно провалился в глубокий сон под мерное потрескивание остывающей печи. Проснулся он на удивление бодрым и полным сил. Пусть жесткая подстилка из травы уступала мягкой постели, волшебные свойства пространства восстанавливали тело в разы быстрее обычного.

Он сверился с системными часами — во внешнем мире было всего половина четвертого утра. До подъема оставалось три часа. Готовить завтрак для семейства Цзянь сегодня не было ни малейшего желания. После вчерашней изнурительной тренировки в бассейне его законным оправданием была смертельная усталость. Проснуться вовремя и не опоздать в школу — уже подвиг для измотанного ребенка.

Картошка как раз дошла. Разломав палкой импровизированный очаг, Янь Цун выкатил из золы обуглившиеся, черные шарики. Запах печеного на углях картофеля зашекотал ноздри. Осторожно подхватив один клубень широким листом лопуха, он принялся обдирать хрустящую подгорелую кожицу. Сглотнув слюну, Янь Цун откусил кусочек. Мякоть оказалась рассыпчатой, сладковатой, с тем самым неповторимым, глубоким ароматом костра. Кому-то этот вкус показался бы слишком простым, но Янь Цун зажмурился от удовольствия.

«Какая же вкуснотища! Вкус у этой картошки совсем не такой, как у покупной — куда насыщеннее и слаще!»

Клубни были мелкими, но после третьего Янь Цун почувствовал приятную тяжесть в желудке. Сытно срыгнув, он бережно завернул оставшуюся картошку в свежие листья и оставил в хижине. По правилам пространства, любой пяточок земли, огороженный усатой травой, признавался «временной обителью». Время внутри этого периметра для неодушевленных предметов словно застывало. Завтра ночью картошка останется точно такой же теплой и свежей, будто ее только что достали из золы.

Отмыв руки в речке, он со всей серьезностью засел за плетение из травы. Первым делом Янь Цун решил смастерить по удобной сидушке для своих благодетелей: учителей Ван и Ли, а также для Бай Цзиньчэна. Пусть до конца лета оставалось мало времени и он мог не успеть закончить все три, искреннюю благодарность выразить следовало. К тому же система подсказала приятную деталь: вещи, сплетенные вручную из местных материалов, при переносе в реальный мир сохраняли до тридцати процентов своих целебных свойств. Более того, когда одаренные им люди пользовались этими вещами, у самого Янь Цуна понемногу рос показатель удачи — важнейшая величина для его новой жизни. Что касается собственной постели в хижине, парень рассудил, что проще поднакопить опыта и выменять у системы приличный шерстяной плед, чем мучиться с жесткой соломой.

Набив желудок картошкой в четыре утра, за завтраком Янь Цун лишь лениво ковырялся в тарелке. И Сыцзя тут же засуетилась:

— Эрбао, почему ты так плохо ешь? Неужели вчера так сильно переутомился?

Янь Цун покачал головой, а затем, словно нехотя, кивнул:

— Все тело ноет. Мышцы как каменные, и слабость жуткая.

Цзянь Сэнь хмыкнул, не упустив возможности вставить шпильку:

— А я говорил — нечего было в этот бассейн повадаться. Только время у матери отбираешь. Сидела бы она дома, в маджонг перекинулась — глядишь, копеечку в дом выиграла бы.

«Своя кровь — сразу видит нутро», — подумал Янь Цун.

Цзянь Сэнь попал в самую точку.

— Мам, а ведь брат прав, — мягко произнес Янь Цун вслух. — Не нужно тебе больше тратить на меня выходные. Я и сам на автобусе прекрасно доберусь. Тем более учитель Ван обмолвилась, что тоже не прочь научиться плавать. Мы договорились встретиться на остановке и поехать вместе. Так что не переживай, я буду под присмотром.

И Сыцзя в душе ликовала: перспектива тратить драгоценные выходные на поездки в душный бассейн ее совершенно не прельщала. Однако маска заботливой матери требовала держать лицо.

— Ну как можно так утруждать твою учительницу? — притворно вздохнула она. — Да и у меня дел особых нет. Проводить время с сыном — только в радость.

Не дав Янь Цуну вставить и слова, Цзянь Сэнь ядовито перебил:

— Раз хочет со своей училкой таскаться, пусть катится. Не мешай человеку зарабатывать звание «Учитель года». К тому же она сама ему это место присоветовала — мало ли, какие у нее там свои шкурные интересы. Не лезь поперек батьки в пекло.

Слушать эти помои было выше сил Янь Цуна. Он нахмурился, стараясь говорить как можно убедительнее:

— Брат, почему ты во всем видишь только грязь? Учитель Ван искренне хочет мне помочь, и ничего больше.

Цзянь Сэнь издевательски цокнул языком:

— Помочь тебе? Тоже мне, пуп земли нашелся! Ты что, император или божество какое, чтобы мир вокруг тебя вертелся? Раскатал губу, бедняга.

И Сыцзя поспешно прикрикнула на старшего сына, спасая благопристойную семейную картину:

— Цзянь Сэнь! Закрой рот! Разве так подобает разговаривать старшему брату?

Цзянь Сэнь с грохотом опустил пиалу на стол.

— Значит, убересть дурака от иллюзий — это теперь преступление? — огрызнулся он, поднимаясь из-за стола так резко, что задрожала посуда. — В этом доме я всегда и во всем виноват. Слова сказать нельзя! Отлично, я ухожу. Не буду мозолить глаза вам, идеальной мамочке и ее любимому сыночку!

Схватив с тумбы у двери школьный рюкзак, он громко хлопнул дверью.

Янь Цун в душе едва сдерживал смех, однако послушно зашмыгал носом и виновато посмотрел на мать покрасневшими глазами:

— Мам... Я опять разозлил брата, да?

И Сыцзя едва сдерживала ярость. Выпады Цзянь Сэня на самом деле целили в нее, обнажая ее истинное нежелание возиться с младшим.

— Не обращай внимания, — процедила она сквозь зубы. — Совсем от рук отбился, паршивец. Но послушай меня, Эрбао: даже если ты будешь ездить с учителем Ван, мне все равно придется проводить тебя еще пару раз. Нельзя, чтобы соседи увидели, будто я бросила тебя после первой же тренировки. Сплетни нам ни к чему. Понимаешь?

«Еще бы не понимать. Твоя драгоценная репутация требует идеального спектакля до самого финала. Что ж, ради того чтобы поменьше видеть твое лицо, я с радостью подыграю тебе и безупречно исполню роль любящего, послушного сына».

Днем Янь Цун прилежно сидел на уроках, даже не подозревая, что ушедший спозаранку Цзянь Сэнь так и не переступил порог школы. Только в обед классный руководитель старшего сына позвонил И Сыцзя, чтобы справиться о здоровье мальчика. Услышав вопрос о причинах прогула, женщина похолодела — Цзянь Сэнь среди бела дня испарился в неизвестном направлении. Ситуация осложнялась тем, что мобильный телефон в их семье был непозволительной роскошью и имелся только у Цзянь Наня. Связаться с беглецом напрямую было невозможно. Не на шутку перепугавшись, И Сыцзя забила тревогу и бросилась обзванивать всех родственников и знакомых, устроив масштабную поисковую операцию.

У ворот школы после уроков Янь Цуна ждал И Сылян. При виде запыхавшегося, взволнованного младшего брата матери мальчик удивленно приподнял брови:

— Дядя Сылян? Что случилось? Почему ты здесь?

И Сылян, едва переводя дух от волнения, выпалил:

— Твой брат пропал! Он не приходил к тебе в школу? Не искал тебя?

Янь Цун на мгновение растерялся, силясь сообразить, какую игру затеял его непутевый братец. Было ли нечто подобное в его прошлой жизни? Память не выдавала никаких зацепок.

— Нет, я его не видел, — покачал головой мальчик. — Он же утром в школу ушел... Разве нет?

Лицо И Сыляна осунулось от тревоги:

— В том-то и дело, что нет! Учительница позвонила твоей маме еще в обед. Сказала, на уроках его не было. Мы уже весь район прочесали, расспросили всех, кого могли — ни следа. Прямо не знаю, что делать...

— Так заявите в полицию! — пожал плечами Янь Цун. Решение лежало на поверхности. Пусть технологии конца девяностых уступали будущим временам, уличные камеры и патрули все же могли существенно сузить круг поисков.

Дядя Сылян нахмурился, нерешительно переминаясь с ноги на ногу:

— Но ведь еще не прошло сорока восьми часов с момента исчезновения...

Янь Цун мысленно закатил глаза.

— Не говори глупостей, это все выдумки из дешевых сериалов. Пойдем в участок прямо сейчас, заявление обязаны принять!

Однако И Сылян не посмел взять на себя такую ответственность. Он слишком хорошо знал крутой и вздорный нрав своей старшей сестры. Сделай он хоть шаг без ее ведома, и, если это сочтут «позором на всю улицу», ему несдобровать.

— Нет, сначала нужно обсудить это с твоей матерью, — твердо отрезал он.

Янь Цун прекрасно понимал его страхи. Дядя Сылян по природе своей был мягким и отзывчивым человеком, ни капель не похожим на свою расчетливую сестру. В прошлой жизни, случайно прознав о подмене детей, он даже порывался отправить анонимное письмо настоящей семье Янь, чтобы восстановить справедливость. Увы, его собственный сын пронюхал об этой затее и побежал жаловаться тетке — И Сыцзя. Меньше чем через год после этого И

Сылян погиб в нелепой автокатастрофе. Тогда, будучи наивным ребенком, Янь Цун и помыслить не мог о подстрочной связи, но перед смертью, выслушивая издевательские откровения Янь Сяна обо всех грехах их семейки, он сопоставил факты. И хотя прямых доказательств причастности И Сыцзя к гибели брата не было, интуиция подсказывала — эта женщина не остановилась бы ни перед чем.

<http://bllate.org/book/20137/2111591>